

СТАЛИНСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ МЕХАНИЗМА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х годов

После смерти В.И. Ленина в 1924 г. создаваемое при его жизни равновесие в механизме принятия внешнеполитических решений в СССР стало расшатываться фракционной борьбой в Политбюро ЦК РКП(б). Л.Д. Троцкий воспринимался членами Политбюро как законный ленинский преемник, что вызывало у них страх и ненависть к нему. Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев и другие, исходя из оценок, данных им Троцким в «Уроках Октября», не без основания полагали, что с приходом к власти он устранил их от партийного руководства. Они сделали ставку на И.В. Сталина, сплотившись вокруг него против Троцкого. Сталин в то время не вызывал у них таких подозрений в узурпации власти, какие были у честолюбивого и амбициозного Троцкого.

С августа 1924 г. все решения в Политбюро принимались «семеркой», в состав которой входили все члены Политбюро (кроме Троцкого) и председатель Центральной контрольной комиссии (ЦКК) РКП(б)–ВКП(б) В.В. Куйбышев. «Семерка» собиралась накануне заседаний Политбюро и обсуждала все вопросы. На его формальных заседаниях (с присутствием Троцкого) утверждалось то, что уже было заранее решено «семеркой». Причем последняя действовала практически официально и наглядно игнорировала мнения Троцкого, который был фактически изолирован и не мог в силу этого оказать какое-либо воздействие на принимаемые Политбюро решения. Он категорически отверг предложение своего сторонника Л.П. Серебрякова о создании троцкистской «пятерки», в противовес стремящемуся к единоличной власти Сталину, заявив в ЦК РКП(б): «Я не вижу надобности ни в тройке, ни в пятерке. Все вопросы должны свободно обсуждаться и решаться в Политбюро»¹. Троцкий на заседании Политбюро 18 марта 1926 г. требовал создания условий для коллективной работы, выступал против методики обсуждения уже заранее готовых решений, принимавшихся без его участия сталинским окружением. Он выступал также противником вытеснения и компроматации политических оппонентов, полагая, что «это благотворно скажется на всем режиме партии»². «Семерка», руководимая Сталиным, подготавливая политическое уничтожение Троцкого, очищала все более или менее важные посты в партии, армии и государственных органах от его сторонников.

Уже в конце 1924 г. потеряла свою прежнюю силу и притягательность настойчиво пропагандируемая Троцким теория «перманентной революции», вступившая в противоречие с внутривнутриполитическим курсом сталинского «большинства» в Политбюро на «строительство социализма в одной стране». СССР в этот период более, чем любая другая великая держава, нуждался не в иллюзиях о «мировом революционном пожаре», а в международном мире и стабильности, необходимых для восстановления разрушенной революцией, Первой мировой и Гражданской войнами экономики и укрепления своей политической системы.

На фоне дилеммы – интересы советского государства или интересы международного коммунистического движения – каждая упущенная возможность в вопросах внешней политики приводила к взаимным обвинениям между троцкистско-зиновьевской оппозицией и сталинским большинством ВКП(б). При этом в адрес первой звучали нарекания в предательстве государственных интересов страны в угоду идее мировой революции, а в адрес второго – в предательстве идеалов интернационализма. В этот

* Макаренко Павел Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Воронежской государственной лесотехнической академии.

Данная публикация продолжает тему, уже освещавшуюся автором на страницах нашего журнала (Российская история. 2008. № 4. С. 143–156).

период Политбюро уделяло пристальное внимание упорядочению публикуемых материалов по вопросам внешней политики и предотвращению утечки секретной информации³, конспирируя содержание своих постановлений и облекая их в краткую форму. В протокольных записях опускались указания на мотивы принимаемых решений и ожидаемый от их выполнения международный эффект.

Порядок пользования материалами высших партийных органов также ужесточился. Для протоколов Политбюро и Пленумов ЦК ВКП(б) устанавливался «не более чем 3-дневный срок из возврата», а для выписок из протоколов – 7-дневный. Выписки из «особой папки» подлежали возврату в 24 часа. При этом основным получателям таких документов – Народному комиссариату иностранных дел (НКИД), Народному комиссариату внешней торговли (НКВТ), Объединенному государственному политическому управлению (ОГПУ) и Исполнительному комитету Коммунистического интернационала (ИККИ) разрешался более продолжительный срок пользования секретными материалами под личную ответственность руководителей учреждений. Постановление Политбюро от 5 мая 1927 г. категорически запрещало хранить такие материалы на правах личных архивов. Секретному отделу ЦК поручалось «затребовать от всех товарищей имеющиеся у них секретные материалы ЦК»⁴.

Недоверие к сложившейся системе мер по обеспечению секретности отразилось и в последовавшем за этим новым постановлением Политбюро «О мерах конспирации», предлагавшим «выделить из состава полпредства и торгпредств представительства ИНО ОГПУ, Разведцентра, Коминтерна, Профинтерна и МОПРа», ежедневно менять шифры, «отменить систему широкой информации полпредств через рассылку особых докладов»⁵. В сентябре 1927 г. Оргбюро обратило внимание на то, что в докладах полпредов в НКИД содержалась секретная информация, и поручило в этой связи «все секретные вопросы изъять из обычных текущих докладов» и переслать в Наркоминдел в одном экземпляре. Процедуру направления в НКИД «всех обычных докладов в шести экземплярах» решили сохранить, но под грифом «совершенно секретно»⁶. С целью недопущения утечки информации непосредственно из самих полпредств в январе 1928 г. на заседании Политбюро была создана комиссия для индивидуального пересмотра личного состава всех полпредств за границей⁷. Обычным нарушением стала задержка возврата наркоматами протоколов Политбюро, более чем на 3 дня. Подтверждая установленный в 1927 г. порядок, Политбюро двумя годами позже распорядилось не посылать следующего протокола до возврата предыдущего, тем самым фактически санкционируя увеличение этого срока⁸.

Усиление режима секретности к концу 1920-х гг. преследовало цель перекрыть каналы утечки на Запад информации о международных акциях Москвы. Об этом свидетельствует принятое в августе 1928 г. постановление «О пакте Келлога» с предписанием Политбюро: «никаких письменных документов по этому вопросу не допускать. Подготовка решения этого вопроса должна быть конспиративна»⁹. Решение Политбюро, принятое позже по докладу А.И. Микояна «О Германии», повторяло эту же мысль: «Установить как правило, по секретным вопросам никакой переписки не вести»¹⁰.

Все решения Политбюро по международным вопросам считались секретными и многие из них все чаще фиксировались под грифом высшей секретности – «особая папка». Список лиц, которым предоставлялось право пользоваться или знакомиться с конспиративными материалами ЦК, постоянно менялся в сторону сокращения в связи с ужесточением режима секретности. В то же время для постановлений Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), имевших «директивный» характер, режим секретности значительно уменьшился. Члены ЦК могли их оглашать на закрытых заседаниях или на собраниях ответственных работников¹¹.

Нередко повестки дня заседаний Политбюро оказывались сильно перегруженными, поэтому часть вопросов, требовавших немедленного разрешения, рассматривалась «опросом по телефону» или «опросом на заседании», или как «решение» заседаний узких групп членов Политбюро¹². Оно стремилось к сокращению вопросов, поступав-

ших на обсуждение, но не могло освободиться от множества мелких «вермишельных» дел из-за своей роли третьей стороны в межведомственных спорах и противоречиях, а также из-за желания руководить всеми процессами в стране.

20 марта 1924 г. Политбюро приняло решение о проведении «особых еженедельных заседаний по международным вопросам» и установило, что «в течение недели должны проходить два заседания Политбюро», причем «вопросы наркомата иностранных дел должны обсуждаться только на одном заседании»¹³. Поскольку регламент заседаний Политбюро не всегда исполнялся, особенно в период участвовавших дискуссий с «левой» оппозицией, с июля 1925 г. оно проводило свои заседания раз в неделю (по четвергам), а в случае рассмотрения неотложных вопросов допускало и внеочередные (экстренные) заседания, которые назначались особыми решениями Политбюро¹⁴. Начиная с 1927 г., подобные заседания уже не созывались. Вместо них проходили закрытые заседания Политбюро для обсуждения наиболее секретных вопросов международных отношений. Первоначально на таких заседаниях могли присутствовать только члены и кандидаты в члены Политбюро¹⁵, затем – и секретари ЦК¹⁶. В июле 1927 г. закрытые заседания Политбюро практически отменили, созывая их только по отдельным вопросам¹⁷.

Инициатива рассмотрения Политбюро международных дел в большинстве случаев исходила от НКВД и других центральных советских ведомств, а также различных комиссий ЦК – постоянных и временных, связанных в своей деятельности с внешней политикой. С предложениями международно-экономического и торгового характера выступали СНК, СТО, ВЦИК, хозяйственные наркоматы и ведомства СССР. В 1920-х гг. процедуру внесения таких запросов и предложений уже определили, а в дальнейшем частично пересмотрели. Для получения санкции Политбюро заинтересованное ведомство предоставляло по выносимому вопросу «письменный материал», включавший объяснительную записку и проект постановления Политбюро¹⁸. К концу 1920-х гг. объем таких записок был увеличен до 5–10 страниц, и весь материал направлялся в Политбюро за 6 дней до заседания¹⁹. Вскоре в Политбюро уменьшили размер предоставляемых материалов до 4–5 страниц, но в ноябре 1931 г. это решение пересмотрели, и их объем увеличили до 8 страниц²⁰. Политбюро также установило правило, согласно которому устные обращения и письменные просьбы без сопроводительных материалов «по существу вопроса» не рассматривались на заседаниях (кроме «особо исключительных срочных случаев») ²¹.

Порядок подачи материалов не соблюдался, особенно когда записки Политбюро поступали от первого заместителя наркома иностранных дел М.М. Литвинова²². Обращения к высшей «инстанции» в форме писем, инициативных записок и докладов в Политбюро направляли полномочные представители СССР за рубежом. Сталин неоднократно упрекал Литвинова в том, что тот не пользовался своим авторитетом в отношениях с полпредами и поощрял прямые связи между последними и Политбюро, демонстрируя внимание к кому-либо из них и даже решая спор в чью-либо пользу. При возникновении разногласий с наркомом или коллегией НКВД полпреды (в исключительных случаях и советники полпредов) адресовали специальные письма, записки и доклады членам Политбюро. Так, полпред в Великобритании Л.Б. Красин 8 января 1925 г. жаловался в Политбюро на наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, который якобы в беседе с германским послом в Москве Брокдорфом фон Ранцау обещал отмену монополии внешней торговли. Красин просил Политбюро дать повторную директиву НКВД о строжайшей поддержке НКВТ в борьбе за сохранение этой монополии²³. Ответные письма Чичерина членам Политбюро коллегии НКВД с опровержением приведенных Красиным фактов погасило этот инцидент и в постановлениях Политбюро он не отразился²⁴.

Работа по подготовке заседаний Политбюро шла в основном через Секретариат ЦК, Оргбюро. Технической частью этой процедуры занималось Бюро Секретариата ЦК, в марте 1926 г. преобразованное в Секретный отдел ЦК. Персонально подготовкой вопросов к заседаниям Политбюро занимался один из секретарей ЦК – В.М. Молотов.

26 января 1926 г. эта обязанность, а также «общее руководство Секретариатом ЦК в целом» были возложены на генерального секретаря ЦК ВКП(б) Сталина²⁵. В мае следующего года при очередном перераспределении обязанностей между секретарями ЦК по ведомственному принципу, Сталин взял на себя наблюдение за работой и проведением директив партии в ИККИ, НКВД, ОГПУ, Наркомвоенморе, Народном комиссариате финансов (НКФ) и в банках, т.е. практически во всех органах (кроме Наркомторга), связанных с определением внешней политики²⁶.

Бесспорно, что голос Сталина обладал особым весом, однако неясно, приходилось ли его вообще подавать при утверждении повестки дня (как это практиковалось секретарями ЦК перед заседаниями Оргбюро) или генеральный секретарь ЦК ВКП(б) был наделен правом единолично, либо вместе с председателем СНК СССР А.И. Рыковым определять круг, сроки и способ рассмотрения дел, которые предстояло решить Политбюро. В современной российской историографии на этот счет существует мнение, что «в любом случае, с середины 20-х годов Сталин располагал этими полномочиями», и это «позволяло контролировать внесение в повестку дня ПБ подавляющего большинства вопросов международной политики Советского Союза и в силу этого влиять на их судьбу»²⁷.

Значительную часть резолюций Политбюро по международным вопросам составляли постановления об откладывании решения. В некоторых случаях это было вызвано изменением или неопределенностью международной обстановки, появлением новых факторов в международных отношениях, значение которых к моменту постановки вопроса на Политбюро могло казаться недостаточно ясным. Причиной откладывания рассматриваемого вопроса зачастую являлась его неподготовленность или отсутствие в Москве Сталина, Молотова, Ворошилова и других, которым чаще всего поручалось формулирование внешнеполитических постановлений. Иногда Политбюро откладывало решение вопроса до получения из Сочи директив Сталина, выхода его или Молотова из отпуска.

Широкое распространение в рассматриваемый период получила выработка решений с помощью проведения опроса членов Политбюро. О.В. Хлевнюк приводит пример такой практики даже на самом заседании Политбюро²⁸. К концу 1928 г. все больше постановлений стало приниматься во время неформальных встреч или рабочих совещаний, проходивших при полном (или суженном) составе членов и кандидатов в члены Политбюро. Такие заседания имели, вероятно, достаточный кворум для принятия решений, которые затем заносились в обычные или «особые» протоколы под рубрикой «Решения Политбюро»²⁹. Проведение этих внеочередных рабочих совещаний объяснялось отнюдь не секретностью рассматриваемых вопросов, а необходимостью их срочного и неотложного решения. Судя по протоколам, практика «Решений Политбюро» уже к началу 1930-х гг. достигла своей кульминации, но к их середине эту рубрику в протоколах заменили на «Опросы членов Политбюро»³⁰.

Во второй половине 1920-х гг. заседания Политбюро проходили по-прежнему в Кремле, в зале заседаний Совнаркома, но решения по ним заранее продумывались в кабинете Сталина в ЦК ВКП(б) на Старой площади: «Помощники Сталина (И.П. Товстуха, Л.З. Мехлис. – *П.М.*) готовили вопросы, которые обсуждались на заседаниях... Готовые документы передавали техническому секретарю ПБ (Б. Бажанову. – *П.М.*), его аппарат оформлял эти документы, размножал их и в день заседания дежурный секретарь в сопровождении фельдъегеря отвозил папки в Кремль»³¹.

Заседания Политбюро начинались в 11 часов утра и заканчивались в 7 часов вечера. Все приглашенные томились в Секретариате – небольшой соседней комнате. Их вызывали по очереди. После Ленина до 1926 г. заседания вел Каменев, до осени 1928 г. – Рыков, потом Молотов. Сталин сидел на противоположном от председательствовавшего конце стола, курил трубку, слушая выступавших. Часто вставал и ходил по комнате, потом высказывал свое мнение, говорил мало³². Если возникали споры между членами Политбюро, то вопрос немедленно снимали с обсуждения и отправляли на доработку.

Заявление Б. Бажанова, что Сталин якобы «никаких бумаг не читал и никакими делами не интересовался»³³ противоречит истине. По словам Балашова, «Сталин был в курсе важных дел», знакомясь по утрам с содержанием телеграмм и писем, и выбирал для себя наиболее важные, которые ему приносили в кабинет его помощники. Последние получали затем указания генсека и распределяли эту работу между другими помощниками, которые уже знали, как ответить на то или иное письмо, какое дело готовить на Политбюро, а какое решать в «рабочем порядке» в Оргбюро или ЦКК ВКП(б). «Перед Товстухой мы отчитывались, а он докладывал Сталину о результатах. Сталин внимательно следил за прохождением полученных дел. Ничего не забывал, память у него была отличная»³⁴, – пишет Балашов.

В западной литературе (Р. Такер) можно встретить такое мнение, что помощники Сталина держали его в курсе событий в любой сфере, включая международные дела, и помогали ему выработать политическую линию³⁵. На самом деле эти люди были «только исполнителями его распоряжений, ни о каких государственных и партийных делах он с помощниками не советовался, не обсуждал их с ними»³⁶. Большую работоспособность Сталина отмечали многие его современники, а также историки. Генсек много писал, готовился к выступлениям и дискуссиям на Политбюро и был «кабинетным работником». Пребывая почти в монашеском затворничестве, он получал информацию о положении в зарубежных странах из сведений агентов Коминтерна, спецслужб, переводов иностранной прессы, аналитических отчетов германского и московского экспертных центров (часто это была дезинформация). При этом незаменимыми могли стать результаты непосредственных бесед с представителями правительств, политических, хозяйственных и военных кругов зарубежных стран и дипломатами, приезжавшими в Москву. Однако Сталин и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) воздерживались от подобных встреч, не говоря уже об их выездах с официальными миссиями в европейские страны. Чичерин тщетно предлагал Сталину хотя бы инкогнито совершить поездку на Запад, чтобы получить представление о действительности за рубежом³⁷. Уже много лет из-за ожидания новой войны и победы пролетарской революции в мире лидеры ВКП(б) стремились избежать преждевременного столкновения с силами мирового капитализма³⁸. К концу 1920-х гг. перспектива «перманентной революции» окончательно ушла из сферы советской реальной внешней политики, а ее теоретик Троцкий был изгнан из СССР. К этому времени установки коммунистической доктрины на мировую революцию уже противоречили насущным государственным интересам и задачам. И хотя правящая элита еще сохраняла тогда свои политические идеалы о «мировом коммунизме», она уже отказывалась связывать их с задачами социалистического строительства. Это столкновение между видением «мирового коммунистического будущего» и повседневными государственными интересами страны, по мнению О. Кена и А. Рупасова, «породило квазиконцепцию внешней политики СССР на основе общих установок “Realpolitik”»³⁹.

Между тем советская дипломатия не смогла воспрепятствовать процессу сближения со странами – победительницами в Первой мировой войне и вхождению в Лигу Наций Германии, а также найти для СССР иную опору в европейской политике и заручиться гарантией его безопасности. Сталин и другие члены партийного руководства опасались, как и в начале 1920-х гг., капиталистического сговора за своей спиной и рассматривали Советский Союз как «объект международного давления». Их преследовал подлинный кошмар всевозможных реальных и нереальных коалиций – от миража капиталистической реставрации России объединенными силами Франции, Польши, Румынии и Чехословакии при поддержке английского флота и американских капиталов до расчленения территории поляками и японскими самураями. При этом общие установки Политбюро на традиционную политику безопасности и баланс сил в мире не привели и к построению внешнеполитической концепции СССР. «Наша иностранная политика не определяется установленной заранее начерченной программой, учитывающей не только, что есть сегодня, но и завтра быть может, – указывал в 1927 г. на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) полномочный представитель СССР в

Лондоне и Париже Х.Г. Раковский, – она определяется эмпирически изо дня в день под влиянием тех или иных событий. И Наркоминдел, и полпреды не имеют плана»⁴⁰. Ранее в письме к Литвинову Раковский еще более емко определил своеобразие советской внешней политики: «Один из ее больших недостатков [состоит в том, что] мы недостаточно заглядываем вперед или же смотрим слишком вдаль»⁴¹.

Политбюро ЦК ВКП(б) не возлагало ответственности за внешнеполитические проблемы на какое-либо постоянное ведомство и не организовывало заседаний по систематическому обозрению международного положения, заслушиванию полпредов и т.д. Раковский усматривал в этом величайшее упущение: «Наркоминдел формально ответственен перед правительством и Политбюро за иностранную политику. Формально Политбюро ответственно перед партией, но фактически оно не в состоянии руководить этой работой»⁴². Первые лица Политбюро избегали составления как «генерального» плана внешней политики, так и систематического рассмотрения проблем взаимоотношений с внешним миром, предпочитая реагировать лишь на отдельно поставленные перед ними коллегией НКВД и полпредами вопросы. Соответственно, представляемые в «инстанцию» предложения НКВД и НКВТ носили характер частных предложений, связь которых с общими задачами советской внешней политики была неясной и расплывчатой, а порой не прослеживалась.

Отсутствие единого плана внешней политики объяснялось разногласиями и личным соперничеством между Чичериным и Литвиновым, втягивавшими в свою орбиту других сотрудников НКВД. Несмотря на упорное противодействие наркома иностранных дел в 1920-х гг. фактически утвердилась «теория Литвинова», согласно которой Чичерин не обладал правом решающего голоса при обсуждении внешнеполитических вопросов на коллегии НКВД и являлся таким же рядовым ее членом, как и остальные. Таким образом нарком отстранялся от участия в делах стран Запада, а Литвинов претендовал на «последнее слово» в коллегии НКВД по вопросам стран Востока, которые официально вели Чичерин и его второй заместитель Л.М. Карахан.

Чичерин постоянно ощущал растущее к себе недоверие и обращался к Сталину и другим членам Политбюро с просьбой о своей отставке⁴³, мотивируя ее тяжелой болезнью, а также тактическими соображениями. «Единственной опорой во враждебном стане коллегии НКВД» он считал своего второго заместителя Карахана, деловые качества которого Сталин ставил невысоко и доверял ему не больше, чем Литвинову⁴⁴. Характерно, что ни сам нарком Чичерин, ни Литвинов и Карахан не пользовались авторитетом среди партийной элиты⁴⁵.

С августа 1928 г. после отъезда наркома Чичерина на лечение Литвинов фактически стал руководителем НКВД. Вопреки нежеланию Чичерина быть наркомом, Сталин стремился сохранить противостояние в коллегии НКВД, пытаясь по примеру Ленина создать равновесие в механизме внешнеполитических решений. Микоян не без удовольствия вспоминал о том, что «споры Чичерина и Литвинова на заседаниях Политбюро... помогли разобраться в сложнейших вопросах мировой политики»⁴⁶, в которых правящая партийная элита была явно некомпетентна. Это давало возможность выбора для последней одного из вариантов, предлагаемых конкурирующими группами «чичеринцев» и «литвиновцев». Несмотря на такое противостояние в Наркоминделе, вторая половина 1920-х считается периодом расцвета в его деятельности.

По инициативе Сталина Чичерин получил право «принимать участие во всех заседаниях Политбюро и по всем вопросам порядка дня» и получать «протоколы заседаний и материалы к ним»⁴⁷. В это время НКВД являлся главным куратором средств массовой информации и пропаганды. Чичерин не без гордости вспоминал, что «до 1928 г. все, что в “Известиях” или “Правде” имело какое-то отношение к внешней политике, присылалось мне в гранках или читалось по телефону, я выбрасывал или изменял»⁴⁸. Любимое детище Чичерина – отдел информации и печати НКВД, подчиненный наркому, являлся аналитическим центром, контролирующим освещение международных событий в советской печати и помогавшим наркому в выработке политических рекомендаций. Референты этого отдела, по утверждению Чичерина,

следили за политикой и внутренним состоянием разных стран, «снабжали НКВД нужным нам материалом»⁴⁹.

В 1928 г. НКВД утратил право участвовать в согласовании кандидатур торговых представителей, утверждавшихся Оргбюро и Политбюро по представлению торгового ведомства⁵⁰. Существовавшие механизмы согласования политико-экономических вопросов, позволявшие держать под контролем конфликты, возникавшие как между руководством НКВД и НКВТ в Москве, так и между полпредами и торгпредами за границей, были ослаблены. В результате Наркоминдел отстранили от выработки советского торгово-политического курса в отношении отдельных стран⁵¹ за рубежом. Выдвигавшиеся им аргументы имели второстепенное значение при принятии решений Политбюро, которое в межведомственных спорах с НКВТ играло роль пристрастного к НКВД арбитра. В то же время с ослаблением влияния Наркоминдела Революционный военный совет (РВС) СССР прекратил согласование с ним кандидатур военных атташе, направлявшихся на работу в советские полпредства за границей. Фактически в Советском Союзе участником отбора кандидатов для назначений военных атташе и их отзывов стало ОГПУ⁵².

Под жесткий контроль к концу 1920-х гг. было поставлено и финансирование НКВД, которое осуществлял Наркомат рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ). Политбюро приняло решение о ликвидации особых секретных фондов, находившихся в распоряжении Наркоминдела. Само Политбюро ЦК ВКП(б) при этом выступало не только в роли конечной инстанции при утверждении расходов полпредств СССР за границей на секретные нужды, но и взяло на себя разрешение конфликтов между НКВД и НК РКИ относительно распределения этих расходов по отдельным полпредствам и даже группам иностранных получателей секретных субсидий⁵³. На заседаниях Политбюро руководству внешнеполитического ведомства СССР приходилось отстаивать свои интересы как перед «инстанцией», так и перед далеким от международных дел НК РКИ, что фактически означало вторжение последнего в политико-дипломатическую деятельность Наркоминдела. Политбюро рассматривало полпредов как уполномоченных Наркомата иностранных дел, хотя оставалось по-прежнему главным инструментом контроля их деятельности, принимая решения об их назначении и отзыве⁵⁴.

На заседаниях Политбюро назначались советники и первые секретари полпредств, кандидатуры которых рассматривались членами Политбюро с руководством НКВД. Зато кандидатуры на должности торгпредов и военных атташе уже обсуждались без согласования с Наркоминделом. В конце 1920-х гг. статусы полпредов и номинально подчиненных Политбюро торгпредов и военных атташе сблизились. При этом последним предоставлялись ведомственная самостоятельность и независимость от полпредов, что усложняло координирование дипломатической и внешнеэкономической работы в стране пребывания и снижало политическую значимость поста полномочного представителя.

Механизм принятия внешнеполитических решений в СССР во второй половине 1920-х гг. существенно не изменился. Однако самостоятельность главных звеньев этого механизма была ограничена. Ведущая роль НКВД в подготовке и осуществлении вышеназванных решений сдерживалась другими участниками этого процесса – НКВТ, ОГПУ, РВС СССР, ИККИ. Ответственность за согласование позиций между НКВД и другими наркоматами и ведомствами по внешнеполитическим вопросам и выработку решений Политбюро оставляло за собой. Внося свои поправки и дополнения, оно обычно утверждало вносимые коллегией НКВД предложения, но не позволяло себе соглашаться с теми из них, которые расходились с официальной позицией партийных верхов по обсуждаемому вопросу. Зарубежные наблюдатели в этот период констатировали, что «СССР проводит свою внутреннюю и зарубежную политику “рывками”, порой огромными, и занимается исключительно одним из наиважнейших для себя дел в ущерб остальным. Временами пренебрегает политикой на Западе ради того, чтобы все силы направить на Восток – или наоборот»⁵⁵.

Отсутствие в «партийных верхах» четкой целенаправленной внешнеполитической программы свидетельствовало о непоследовательности и непредсказуемости проводимых Политбюро ЦК ВКП(б) мер в области внешней политики. Большевистское руководство могло в любой момент занять ту позицию, которая отвечала сиюминутным интересам правящей партийной элиты. Это приводило советских дипломатов в замешательство относительно правильности разработанных ими предложений, которые могли расходиться с мнениями Политбюро.

На рубеже 1920–1930-х гг. росло международное напряжение, вызванное мировым экономическим кризисом, угрожавшим, по мнению Сталина и членов Политбюро, безопасности СССР. Возрастали и внутренние проблемы, связанные с коллективизацией, индустриализацией и обороной страны. Главными условиями выполнения задач в области внешней и внутренней политики Сталин считал максимальную централизацию и тотальный контроль в партийном и государственном аппарате. О своем намерении произвести организационные перестановки в советском аппарате он впервые сообщил в письме Молотову 13 сентября 1930 г.: «Наша центральная советская верхушка (СТО, СНК, Совещание замов) больна смертельной болезнью. СТО из делового и боевого органа превратили в пустой парламент. СНК парализован водянистыми и по сути дела антипартийными речами Рыкова... Ясно, что так дальше продолжаться не может. Нужны коренные меры»⁵⁶. Прежде чем осуществить эту идею, Сталину пришлось преодолеть сопротивление со стороны своих сторонников, и решение о реорганизации «советской верхушки» было принято лишь в конце декабря 1930 г.

Организационно перестроили и работу Политбюро, ограничив круг руководителей, принимавших участие в выработке внешнеполитических решений. Введенная с 1927 г. практика созыва закрытых заседаний, на которых наиболее важные решения, в том числе и внешнеполитические, принимались узким кругом доверенных Сталину лиц, становилась доминирующей. На закрытых заседаниях рассматривались только вопросы ОГПУ, Наркоминдела, обороны, валютных и некоторых внутривнутрипартийных дел, остальные переносили на очередные заседания Политбюро. Составление повесток дня поручалось Секретариату ЦК совместно с Молотовым⁵⁷. О.В. Хлевнюк полагает, что «новая регламентация деятельности Политбюро, узаконение практики регулярных закрытых заседаний, были ответом Сталина на критику (правой оппозиции. – *П.М.*) по поводу узурпации прав Политбюро созыва узких секретных заседаний, отеснения от принятых решений некоторых членов Политбюро»⁵⁸.

К началу 1930-х гг. стало больше вопросов, рассматривавшихся на заседаниях Политбюро (на одном заседании – до полусотни). Сталин, видимо, недовольный итогами таких обсуждений, предложил Секретариату ЦК включать в повестку дня заседания Политбюро не более 15 вопросов⁵⁹. 30 апреля 1931 г. по решению генсека Политбюро констатировало: «Текущие вопросы должны разрешаться Секретариатом ЦК совместно с В. Молотовым, и лишь в случае особой необходимости переносить такие вопросы в Политбюро»⁶⁰. Все это привело к увеличению числа решений, принятых опросом членов Политбюро, что усложнило работу сотрудников Секретного отдела ЦК, ответственных за обеспечение прохождения такого голосования. Они использовали каждую возможность для этого и, в частности, голосовали прямо на заседаниях Политбюро. Однако такое нарушение порядка проведения заседаний вызвало недовольство Сталина, который запретил голосование опросом как отвлекавшего внимание его членов от стоящих на повестке дня вопросов. Сложная процедура проведения заседаний Политбюро с многочисленными повестками тяготила генсека. Удобной для самого Сталина и его окружения оказалась практика принятия решений в узком кругу единомышленников и соратников в его кремлевском кабинете. По данным Хлевнюка, в 1931–1933 гг. увеличилось число собраний членов Политбюро в кабинете Сталина, причем больше всего их было в 1933 г.⁶¹

Принятие генсеком того или иного внешнеполитического решения зависело от того, какая информация поступала к нему на стол. Это были проекты различных ре-

шений и многие официальные документы: от нот Наркоминдела, сообщений ТАСС, информации советских полпредов, материалов зарубежной прессы до докладов ОГПУ, информационных сводок по партийной линии, писем и обращений наркоматов и ведомств. Состояние архива Сталина на текущий момент таково, что коллекционная подборка хранящихся в нем документов не дает возможности выделить тот круг источников, который действительно становился для него наиболее важным и актуальным в тот или иной период. Очевидно лишь одно, что Сталин не мог прочитать всю массу поступавшей на его имя корреспонденции. Основное внимание Сталина и его заместителей Молотова и Кагановича (с 1930 г.) было сосредоточено прежде всего на вопросах, составлявших предмет рассмотрения на Политбюро. Переписка Сталина с членами Политбюро показывает, что он воспринимал окружающий мир главным образом через доклады и обращения своих соратников, которые, как правило, принимали его точку зрения по самым важным вопросам внешней и внутренней политики.

Согласно решению Секретариата ЦК ВКП(б) от 26 января 1930 г., Сталин был ответственным за «подготовку вопросов к заседаниям Политбюро и общее руководство работой Секретариата ЦК в целом»⁶². Молотов фактически стал заместителем Сталина по партии (до своего перехода на работу в СНК) и управлял всеми партийными делами, в том числе и деятельностью Политбюро, в отсутствие генсека. Именно Молотов подписывал протоколы заседаний Политбюро во время отпусков Сталина. Как свидетельствуют письма Сталина Молотову, последний являлся самым близким соратником генсека и нередко решал с ним многие важные вопросы. Каганович же фактически был третьим секретарем ЦК ВКП(б). Он курировал важнейшие отделы ЦК, а в период отсутствия в Москве Сталина и Молотова руководил аппаратом ЦК и подписывал протоколы Политбюро.

После перехода Молотова в Совнарком Каганович занял его место в Секретариате ЦК, проявив полную преданность вождю: ни разу не занимал позицию, отличную от сталинской и твердо следовал всем идеологическим и политическим поворотам, которые предпринимал Сталин. В целом это было характерно для всех членов Политбюро, окружавших генсека после разгрома «правой» оппозиции в ВКП(б) и утверждения его личной диктатуры. Однако Каганович выделялся даже на этом фоне, заслужив от Молотова характеристику «двухсотпроцентного сталиниста»⁶³. Каганович не только возглавил работу Оргбюро и ряда важнейших отделов ЦК, но и в период отпусков Сталина руководил заседаниями Политбюро, председательствовал в его многочисленных комиссиях. Именно на его имя в такие периоды поступали документы от НКВД и других наркоматов и ведомств. Сам генсек, посылая в Москву директивы и свои предложения, адресовывал их обычно для ЦК ВКП(б), Кагановича и других членов Политбюро⁶⁴. По мере укрепления власти Сталина в партии и стране Каганович все меньше проявлял самостоятельности и тон его писем вождю становился все более льстивым. «Трудно нам без вас управлять»⁶⁵, – заявлял он генсеку и угодливо признавал его первенство в решении основных главных стратегических маневров, как во внутренней, так и во внешней политике, которые «определялись и будут определяться вами, где бы ни было»⁶⁶. Не случайно Каганович стал стремительно приобретать все большую власть в ЦК, утверждаясь во мнении других членов Политбюро как «второе лицо в партии».

Другие члены Политбюро, признавая первенство Сталина, к началу 1930-х гг. еще не утратили своего влияния и самостоятельности в принятии внешнеполитических решений. Безусловно, подчиняясь генсеку, они чувствовали себя политическими фигурами, хозяевами ведомств, которыми руководили. Первое время после окончательной победы сталинской группы в ЦК ВКП(б) еще сохранялись остатки «коллективного руководства», проявлявшегося на заседаниях Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК. После разгрома оппозиции Бухарина–Рыкова члены Политбюро оставались реальной единственной силой в существовавшей политической системе СССР, ограничивавшей единовластие Сталина. Однако за внешне стабильным фасадом политической

активности членов Политбюро скрывался постепенный и во многом малозаметный процесс сокращения их прав и возможностей. На протяжении нескольких лет Сталин, умело используя ведомственные конфликты, втягивавшие в свою орбиту отдельных членов Политбюро, незаметно ограничивал их влияние на принимаемые решения: «Межведомственные конфликты... сыграли свою роль в ослаблении Политбюро и усилении власти Сталина»⁶⁷.

Невозможность охватить и проконтролировать все направления внешней и внутренней политики Сталин компенсировал разносами, которые периодически устраивал руководителям ведомств и своим соратникам. Это прививало его окружению своеобразный «комплекс неполноценности». Генсек внушал своим «товарищам», что только его руководство является необходимым условием для решения важных стратегических задач, как и руководство Ленина в начале 1920-х гг. Особое недовольство Сталина вызывали те решения, которые принимались без согласования с ним, поэтому члены Политбюро, рассматривая тот или иной вопрос, решая свои ведомственные проблемы, старались заручиться поддержкой вождя, даже в период его отпускного отдыха в Сочи. Сам Сталин поощрял такую практику, заявляя в письме Молотову в июне 1932 г.: «Можете слать сколько хотите запросов, – я буду с удовольствием отвечать»⁶⁸. Такое желание Сталина объяснялось не только потребностью получения необходимой для него информации, но и возможностью осуществлять свой контроль над деятельностью Политбюро, Совнаркома и наиболее важных ведомств и наркоматов. Молотов и Каганович постоянно согласовывали с генсеком проекты постановлений Политбюро и советовались с ним по всем главным вопросам, боясь принять ошибочное решение. «Наше решение мы не приняли. Будем ждать соображений по этому вопросу», – сообщал Каганович Сталину 17 июня 1932 г.⁶⁹ И решение в Политбюро не принималось до тех пор, пока не приходили указания и директивы от генсека. В условиях столь жесткого контроля над процессом принятия решений все инициативы, поддержанные Политбюро, исходили либо от самого Сталина, либо были результатом согласованной с ним позиции. В архивах не прослеживаются свидетельства активности каких-либо групп в Политбюро, воздействовавших на генсека или самостоятельно отстаивавших определенную внешнеполитическую линию⁷⁰.

Проводившаяся Сталиным в течение августа 1928 г. – июня 1930 г. реорганизация Наркоминдела задерживалась из-за нерешенности вопроса о будущем главы этого ведомства. Сталин настойчиво убеждал Чичерина, находившегося на лечении в Германии, вернуться к работе, пусть даже и 2 часа в день. Большой Чичерин недоумевал, почему Политбюро не назначает нового наркома, называя себя «трупом в мундире»⁷¹, и не соглашался быть «декоративной фигурой при фактическом наркOME Литвинове или еще кем-либо»⁷².

Осенью 1929 г., когда в Москве началось активное обсуждение кандидатов на пост наркома иностранных дел, то чаще всего назывались имена Рыкова, Микояна и Молотова. Вероятность назначения на этот пост Литвинова оценивалась невысоко, прежде всего из-за его сложных взаимоотношений со Сталиным, сведения о которых просачивались за пределы узкого руководящего круга. Тем не менее в Политбюро возобладало мнение о целесообразности назначения руководителем НКИД именно Литвинова, организаторские способности которого, резкость и самостоятельность уравновешивали отсутствие у него внутривластного веса⁷³. В области международных дел Литвинов не раз оказывался способным настоять на своем вопреки решениям Политбюро⁷⁴. Это назначение повлекло за собой реорганизацию НКИД, особенностью которой состояла в том, что теперь в ведомстве руководство отношениями со странами Запада (принадлежавшее ранее членам коллегии Литвинову и Б.С. Стомонякову) было разделено с третьим членом коллегии – Н.Н. Крестинским. Последний был отозван из Германии и назначен на пост первого заместителя наркома иностранных дел. Тем самым подчеркивались преемственность советской политики в отношении Берлина и приоритетное значение советско-германских отношений в европейском направлении внешней политики СССР. Карахан с поста второго заместителя наркома фактически переместился на

третье место в иерархии НКВД. Сохранение за ним руководства сферой взаимоотношений СССР со странами Востока гарантировало продолжение, хотя и в ослабленной форме, конкуренции в Наркоминделе между «западниками» и «восточниками», характерной для чичеринского периода деятельности этого ведомства. Как свидетельствуют протоколы Политбюро ЦК ВКП(б), Карахан часто выступал докладчиком на заседаниях Политбюро, но с 1930 г. его влияние на международные дела стало падать. В 1933 г. ему пришлось разделить руководство делами по странам Востока с введенным в состав коллегии НКВД Г.Я. Сокольниковым.

Крестинский и Стомяков являлись самостоятельными фигурами в Наркоминделе и не в меньшей степени, чем нарком Литвинов, отстаивали свои точки зрения в Политбюро ЦК. Различие идейных позиций этих людей в подходе к важнейшим международным проблемам позволяло на заседаниях Политбюро достигать устойчивого равновесия и выбора одного из наиболее оптимальных вариантов решения того или иного вопроса.

В связи с реорганизацией Наркоминдела была затронута компетенция его отдела информации и печати. Главной причиной этого явилось стремление Сталина лишить наркомат прерогативы руководства внешнеполитической пропагандой и курирования средств массовой информации. Уже в начале 1930-х гг. стал заметным контроль Оргбюро и Политбюро за работой как иностранных отделов советских газет и журналов, так и за отделом печати НКВД⁷⁵. Проверка отделов информации ведущих газет и журналов была поручена ОГПУ и завершилась сокращением их числа и штатов⁷⁶. Одновременно Политбюро распорядилось «прекратить печатание Политбюллетеня НКВД»⁷⁷.

Политбюро ЦК ВКП(б) сохраняло за собой исключительное и преимущественное право решения важных внешнеполитических вопросов: от установления или разрыва дипломатических отношений с зарубежными государствами до приема иностранных делегаций и направления советских ученых на международные встречи и конференции. Вся подготовительная работа, включая ведение торговых переговоров и заключения конвенций, сохранялась в исключительном ведении наркомата иностранных дел. Четкого разграничения компетенций Политбюро и НКВД СССР в вопросах определения принципиальной позиции на переговорах с зарубежными странами и заключения политических, экономических и культурных соглашений не существовало. Институциональные ограничения, которыми была окружена деятельность реорганизованного Наркоминдела, усугублялись конфликтными отношениями его руководителя Литвинова с председателем Совнаркома Молотовым⁷⁸, который в начале 1930-х гг. активно влиял на принятие внешнеполитических решений и на характер контактов с западными дипломатами. Трудно определить, когда именно «главным соперником и оппонентом Литвинова»⁷⁹ стал Молотов, но политический статус секретаря СНК и члена ПБ позволял ему рассматривать НКВД как подчиненный Политбюро отдел по внешней политике.

В этот период механизм принятия внешнеполитических решений в СССР основывался на утверждении контроля членов Политбюро над всеми сторонами деятельности Наркоминдела и других наркоматов, связанных в своей работе с внешней политикой. Как и в 1920-х гг. ведущую роль НКВД в этом механизме ограничивали другие его составляющие, что создавало некое равновесие, а ответственность за согласование действий, позиций и выработку решений Политбюро оставало за собой. Однако ни оно, ни Сталин не имели тогда постоянного рабочего органа, который мог бы осуществлять анализ и выработку рекомендаций по вопросам внешней политики. В отсутствие соответствующего отдела ЦК по международным делам эти функции фактически возлагались на НКВД, что давало повод Литвинову утверждать: «Наша коммунистическая партия не имеет внешнеполитических отделов, и наш комиссариат осуществляет внешнюю политику, как государства, так и господствующей партии»⁸⁰.

Сложившаяся система принятия внешнеполитических решений уже через год после реконструкции НКВД начала давать сбой. Поступавшая в Политбюро ин-

формация зачастую основывалась на догадках, предположениях и непроверенных слухах⁸¹. В конце 1931 – начале 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло меры по укреплению механизма подготовки и реализации решений советской внешней политики. Более широкими полномочиями наделялись создаваемые Политбюро комиссии по подготовке внешнеполитических вопросов⁸². Смешанный состав таких комиссий, состоявший из представителей Политбюро, Наркоминдела и заинтересованных ведомств, свидетельствовал о коллективной разработке соответствующих проектов решений. Однако правом принятия решений такие комиссии наделялись лишь в исключительных случаях⁸³. В то же время круг лиц, которому принадлежало последнее слово, ограничился к концу 1931 г. триумvirатом Сталин–Каганович–Молотов.

Отсутствие в Политбюро специалистов по внешней политике заставило Сталина привлечь к анализу и подготовке принимаемых решений независимых от Наркоминдела экспертов, в частности руководителя газеты «Известия» И.М. Гронского, а также К.Б. Радека и других журналистов, имевших опыт дипломатической работы. Гронский, по его признанию, на короткое время оказался едва ли не главным советником Сталина по проблемам как Дальнего Востока, так и Ближнего Запада⁸⁴. Одновременно Политбюро одобрило предложение Сталина о создании информационного бюро по международным вопросам, вскоре получившего название Бюро международной информации (БМИ), руководителем которого стал Радек. БМИ работало под непосредственным контролем Сталина и представляло ему аналитические и информационные записки о положении в зарубежных странах. С этой целью за границу направлялись корреспонденты, причем каждую поездку Радек согласовывал со Сталиным. Представители БМИ проводили неофициальные беседы и встречи в правительственных, финансовых и промышленных кругах Запада на предмет выяснения их отношений с СССР, т.е. занимались параллельной с НКВД дипломатической деятельностью. Особенностью БМИ являлась невозможность «выступать официально», и ЦК ВКП(б) предписывал ему «вести свою работу как секретную»⁸⁵.

БМИ и Радеку ЦК партии поручил сосредоточить внимание главным образом на ситуации в Восточной и Центральной Европе (польско-советские, польско-германские, советско-германские отношения и проч.). Сам Радек превратился в едва ли не основного толкователя новых тенденций в советской внешней политике, расхопившихся с позициями Наркоминдела. Секретные миссии, аналитическая и публицистическая деятельность Радека, проводившиеся за спиной НКВД, вызывали у руководителей последнего растущую враждебность и неприязнь к «референту тов. Сталина»⁸⁶. В мае 1934 г. Политбюро вынуждено было признать безрезультативность деятельности БМИ и приняло постановление, существенно урезавшее статус, полномочия и финансирование последнего⁸⁷. Опыт деятельности БМИ, совмещавшего экспертно-аналитический анализ международного положения с секретной работой, был признан неудачным, и упоминания о нем исчезли из протоколов Политбюро. Ограничение функций БМИ по времени совпало с новой кадровой перестановкой в руководстве НКВД, проведенной по инициативе Сталина. Еще в конце лета 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) не без его влияния сочло «целесообразным ликвидировать коллегии наркоматов, оставив во главе наркоматов наркома и не более двух замов»⁸⁸. Это постановление не распространялось только на НКВД, ОГПУ и НКВТ. В мае 1934 г. Сталин окончательно решил вопрос и об упразднении коллегии НКВД, укрепив тем самым статус Литвинова⁸⁹.

В заключение следует отметить, что достигнутое в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг. временное равновесие в механизме принятия внешнеполитических решений, приобретенное благодаря давлению оппозиции в ЦК ВКП(б) на Сталина и Политбюро, стало исчезать. Вскоре оно и вовсе было ликвидировано генсеком в ходе массовых репрессий, охвативших все слои советского общества в 1937–1938 гг. Таким образом, стремясь к единовластию, Сталин поэтапно лишил самостоятельности все звенья советского внешнеполитического аппарата.

Примечания

- ¹ РГАСПИ, ф. 325, оп. 1, д. 535, л. 201.
- ² Там же, д. 537, л. 152.
- ³ Там же, д. 17, оп. 3, д. 486, л. 693.
- ⁴ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 633.
- ⁵ Там же, оп. 162, д. 5, л. 24.
- ⁶ Там же, оп. 3, д. 650, л. 7.
- ⁷ Там же, оп. 162, д. 6, л. 15.
- ⁸ См.: Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сборник документов / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 1995. С. 75.
- ⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 6, л. 123.
- ¹⁰ Там же, д. 8, л. 170.
- ¹¹ См.: Источник. 1993. № 5–6. С. 92.
- ¹² На рассмотрение заседаний ПБ ЦК РКП(б) 27 января 1925 г. было вынесено 73 вопроса (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 486), на заседание от 4 июня 1925 г. – 67 вопросов (там же, д. 505). Большинство вопросов принято «Опросом» членов Политбюро.
- ¹³ Там же, д. 428, л. 7.
- ¹⁴ Там же, д. 509, л. 2, 15.
- ¹⁵ Там же, д. 617, л. 4.
- ¹⁶ Там же, д. 633, л. 3.
- ¹⁷ Там же, д. 646, л. 7.
- ¹⁸ Там же, д. 699, л. 3–4.
- ¹⁹ Там же, д. 761, л. 11–12.
- ²⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 24.
- ²¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 761, л. 11–12; Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 23.
- ²² В письме секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу М.М. Литвинов предложил Политбюро принять постановление по 2 вопросам (лишь отчасти связанным между собой) и не только не предложил формального проекта решения, но и уклонился от изложения сути вопроса, сославшись на то, что она известна адресату «из шифровок» (РГАСПИ, ф. 81, оп. 3, д. 254, л. 149–150).
- ²³ АВП РФ, ф. 165а, оп. 4, п. 117, д. 99, л. 6, 7, 12.
- ²⁴ Г.В. Чичерин заявил, что все обвинения Л.Б. Красина «о посягательстве на монополию внешней торговли» являются «фактически высосанными из пальца тов. Красиным. Нельзя не пожалеть, что в письмах, адресованных в Политбюро содержится такая фантастика» (там же, л. 9, 10).
- ²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 544, л. 10.
- ²⁶ Там же, оп. 113, д. 287, л. 6.
- ²⁷ См., например: *Кен О., Рупасов А.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 – июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 50.
- ²⁸ См.: Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 65; РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 7, л. 106.
- ²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 7, л. 4.
- ³⁰ На 1931 г. приходится 53 даты принятия «Решений Политбюро». В 1932 г. их число снизилось до 29, в 1933–1934 гг. – до 9–11 (*Кен О., Рупасов А.* Указ. соч. С. 59).
- ³¹ *Балашов А.П., Мархашов Ю.С.* Старая площадь, 4 (20-е годы) // Полис. 1991. № 5. С. 190.
- ³² См.: *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб., 1992. С. 59–61; *Млечин Л.М.* МИД. Министры иностранных дел. Романтики и циники. М., 2001. С. 130.
- ³³ *Бажанов Б.* Указ. соч. С. 55.
- ³⁴ *Балашов А.П., Мархашов Ю.С.* Указ. соч. С. 190.
- ³⁵ См.: *Такер Р.* Сталин. Путь к власти. 1879–1929. М., 1990. С. 271.
- ³⁶ *Балашов А.П., Мархашов Ю.С.* Указ. соч. С. 194.
- ³⁷ АВП РФ, ф. 08, оп. 12, п. 74, д. 55, л. 92.
- ³⁸ Стремление избежать столкновения с мировым капитализмом прослеживается в шифрограммах Сталина Молотову и членам Политбюро ЦК (июнь 1927 г.). В разрыве дипломатических отношений Великобританией с СССР и убийстве полпреда П.Л. Войкова в Варшаве Сталин усматривал «открытую подготовку войны» (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 71, л. 13). Он «чувствовал» в этих событиях «руку Англии» и стремление последней спровоцировать конфликт с Польшей; «Хотя повторить Сараево... От нас требуется максимум осмотрительности... и укрепление своего собственного тыла» (там же, д. 767, л. 33).

³⁹ Кен О., Рупасов А. Указ. соч. С. 69.

⁴⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 317, л. 98.

⁴¹ Там же, ф. 359, оп. 1, д. 8, л. 21.

⁴² Там же, ф. 17, оп. 2, д. 317, л. 99–100.

⁴³ В письме К.Е. Ворошилову в январе 1928 г. Чичерин писал: «Мои отношения с Литвиновым дошли до белого каления... Не могу больше, если этот тип Вам нравится, держите его, но отпустите меня, куда угодно, – в Сибирь, в Соловки, – лишь бы уйти от Литвинова» (там же, ф. 74, оп. 2, д. 45, л. 53).

⁴⁴ В 1922 г. Сталин требовал отдать Карахана под суд за финансовые нарушения (В.И. Ленин. Неизвестные документы 1891–1922. М., 1999. Док. № 367. Примеч. 1. С. 513). Осенью 1928 г. Сталин писал Молотову: «Не давайте волю Карахану насчет Китая, он испортит все дело... Он изжил себя... А смелости и нахальства, самоуверенности и гонора – хоть отбавляй!» (Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг.: Сборник документов. М., 1995. С. 94–95).

⁴⁵ Троицкий в своих дневниковых записях отмечал, что «в аппарате партии Литвинов... не играл никакой роли» (*Троицкий Л.Д.* Дневниковые записи 1933 года // *Троицкий Л.Д.* Дневники и письма. Нью-Йорк, 1990. С. 53).

⁴⁶ Микоян А.И. Дипломат ленинской школы // *Шейнис З.М.* Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 4.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 824, л. 46.

⁴⁸ Источник. 1995. № 6. С. 105.

⁴⁹ Там же. С. 104.

⁵⁰ Там же. С. 110.

⁵¹ В комиссии по подготовке постановления Политбюро «О торгово-промышленных задачах НКВТ в связи с развитием мирового экономического кризиса» НКИД располагал всего одним голосом, а в силу этого не мог оказывать решающего значения на принятие решений этой комиссии (РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 81).

⁵² Там же, оп. 120, д. 43, л. 7.

⁵³ Там же, оп. 162, д. 8, л. 112.

⁵⁴ В середине 20-х гг. в протоколах Политбюро обычно фиксировалось наличие просьбы НКИД об утверждении полпредов, позднее такие обращения в решениях Политбюро стали упоминаться крайне редко.

⁵⁵ Кен О., Рупасов А. Указ. соч. С. 77.

⁵⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... С. 217.

⁵⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 112.

⁵⁸ См.: *Хлевнюк О.В.* Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996. С. 63.

⁵⁹ Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 25.

⁶⁰ Там же. С. 24.

⁶¹ *Хлевнюк О.В.* Указ. соч. С. 287–288; 289–291.

⁶² Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 112–113.

⁶³ См.: *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 319.

⁶⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 173.

⁶⁵ Там же, ф. 558, оп. 11, д. 749, л. 25.

⁶⁶ Там же, д. 738, л. 111.

⁶⁷ *Хлевнюк О.В.* Указ. соч. С. 96–97.

⁶⁸ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову... С. 243.

⁶⁹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 740, л. 68; ф. 81, оп. 3, д. 120, л. 44.

⁷⁰ См.: *Хлевнюк О.В.* Указ. соч. С. 97.

⁷¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 2, д. 48, л. 15.

⁷² АВП РФ, ф. 08, оп. 20, п. 170, д. 1, л. 103.

⁷³ На XVI съезде ВКП(б) (июль 1930 г.) ни Литвинов, ни другие руководители НКИД не были избраны в состав ЦК партии и ЦКК.

⁷⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 9, л. 35; *Белоусова З.С.* План Бриана и позиции СССР в свете новых документов // *Новая и новейшая история.* 1992. № 6. С. 51–53.

⁷⁵ См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 883, л. 2.

⁷⁶ Там же, оп. 162, д. 13, л. 76.

⁷⁷ Там же, оп. 3, д. 894, л. 5; оп. 162, д. 13, л. 83.

⁷⁸ По свидетельству Т. Литвиновой, ее отец открыто выражал не только несогласие с Молотовым, но даже презрение к нему: «Не раз приходилось Молотову слышать крик “дурак” по

телефону» (*Джонатан Хаслам*. Литвинов, Сталин и путь, по которому не пошли // Советская внешняя политика в ретроспективе 1917–1991. М., 1993. С. 82). Молотов также до конца дней сохранял свою неприязнь к Литвинову, давал ему нелестную характеристику и субъективные оценки его деятельности (*Чуев Ф.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 2002. С. 130–133).

⁷⁹ По сведениям МИД Финляндии, противоречия между Литвиновым и Молотовым возникли с 1928 г., когда Литвинов с отъездом Чичерина на лечение в Германию фактически стал полноправным наркомом иностранных дел (*Кен О., Рупасов А.* Указ. соч. Примеч. 62. С. 549).

⁸⁰ АВП РФ, ф. 082, оп. 16, п. 71, д. 1, л. 203.

⁸¹ Это признавал Литвинов в своей записке Кагановичу 15 сентября 1931 г. (там же, ф. 010, оп. 4, п. 21, д. 63, л. 240).

⁸² Таковыми были комиссии по Афганистану (1928–1929 гг.), о военном сотрудничестве с Германией (1928–1929 гг.), по советско-китайскому конфликту (1929 г.), польско-советским делам (1931–1932 гг.).

⁸³ В декабре 1929 г. комиссии в составе Сталина, Рыкова, Ворошилова, Литвинова, Карыхана было поручено «разрешение всех вопросов, касающихся советско-китайского конфликта» (РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 767, л. 11).

⁸⁴ *Гроковский И.М.* Из прошлого: Воспоминания. М, 1991. С. 147.

⁸⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 11, л. 144. Это обстоятельство наложило отпечаток на возможность ознакомления с материалами БМИ, и поэтому его деятельность остается фактически неизученной (*Белоусова З.С.* Советский Союз и европейские проблемы 1933–1934 гг. // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 61).

⁸⁶ Стомяков предупреждал полпреда в Литве о необходимости «большей сдержанности в отношении к этому деятелю» (АВП РФ, ф. 0151, оп. 23, п. 46, д. 2, л. 102). Заведующий 3-м Западным отделом Рубинин проявлял совершенное презрение к Радеку, которого считал «тщеславным писакой и с претензией на всезнание» (*Кен О., Рупасов А.* Указ. соч. Примеч. 73. С. 553).

⁸⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 16, л. 61–62.

⁸⁸ Там же, оп. 3, д. 928, л. 4.

⁸⁹ Там же, д. 945, л. 16. В январе 1934 г. Литвинов был избран членом ЦК ВКП(б).

© 2011 г. В. Г. ДАЦЫШЕН*

КИТАЙЦЫ В РОССИИ И СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЙ КОНФЛИКТ 1929 ГОДА НА КВЖД

В 1929 г. произошел первый крупный вооруженный конфликт Советского Союза с соседним государством. Красная армия разгромила китайские части в приграничных районах Маньчжурии, добившись восстановления нарушенного китайскими властями статус-кво на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Конфликт 1929 г. стал самым крупным столкновением между СССР и Китайской Республикой (КР), но в последнее время в отечественной науке этому событию уделяется недостаточно внимания¹. Между тем советско-китайский конфликт на КВЖД произошел в переломный для нашей страны момент трансформации государства и общества, во многом явившись одним из рубежных событий отечественной истории. Одним из немаловажных аспектов проблемы является то, что конфликт случился в ситуации, когда в России еще сохранялась значительная община китайских мигрантов, а переход государства от доминанты интернационализма на национально-патриотические позиции еще не был завершен.

Советско-китайские отношения вступили в полосу кризиса в конце 1920-х гг. В июне 1928 г. после занятия Пекина гоминьдановским генералом Янь Сишанем пекинское правительство, с которым Советский Союз в 1924 г. установил дипломатические отношения, прекратило существование. Нормальных отношений с гоминьдановским

* **Дацышен Владимир Григорьевич**, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета.